

Брат и сестра-лиходейка

Основано на издании 1917 г

Автор адаптации: Ольга Комарова

Данный текст, а также оригинал сказки доступны для просмотра по следующему адресу:

gusi-lebedi.org/content/brat-i-sestra-likhodeyka/

Друзья! Мы вкладываем в наш сайт свою душу и огромное количество времени. Поэтому мы будем рады, если вы сохраните все ссылки в документе, а также расскажете о нас своим друзьям.

Команда gusi-lebedi.org

Брат и сестра-лиходейка

Жил-был в одной деревне мужик, без жены двух деток растил – сыночка Никиту да дочку Настёну. Как подросли малыши, женился отец на соседской вдовушке. Только не досталось Никите с Настёной материнской ласки – невзлюбила их мачеха. С утра до ночи злая баба пасынка с падчерицей непосильным трудом изводила, а вместо похвалы только пинала да корила. Год так прошёл, другой миновал, и так уж дети неродные мачехе опостытели, что отвела она их в лес да там и бросила.

Долго бродили брат с сестрой по тропкам неведомым, всё дорогу к дому искали, да так и не нашли. Сели они тогда на бережку речном и горько заплакали. Вдруг видят: на другой стороне реки старичок седенький стоит, рукой машет да кричит что то. Обрадовались дети, стали прыгать, кричать:

— Дедушка, миленький, подскажи нам, как до деревни родной добратся!

А старик им в ответ:

— Не будет вам там жизни, мачеха до смерти изведёт. Оставайтесь-ка лучше у меня жить.

— А как же мы к тебе доберёмся?

Достал тогда старичок из-за пазухи платочек, махнул им, и вмиг через реку мост перекинулся. Только детишки на другой берег перебраться успели, как мост сразу исчез.

Стали брат с сестрой вместе с дедушкой жить. Научил старик Никиту на зверей диких охотиться, а Настёне показал, как хозяйство вести. Вот минуло так семь лет, выросли ребятишки, превратились в доброго молодца да красную девицу. А дедушке пришла пора помирать. Перед смертью отдал он Настёне волшебный платочек и говорит:

— Взмахни им да любое желание загадай, оно сразу и исполнится. Только не забывай, что нет у тебя никого на свете роднее, чем брат. Отец уж давно о вас и думать забыл, а Никита тебя больше жизни любит. Заботься о нём да во всём помогай.

Пообещала Настёна, что волю дедушкину исполнит, только не прошло и года, как красная девица про клятву свою позабыла.

Вот ушёл как то брат на охоту, а сестра на той стороне реки красивого юношу увидела. Стал он громко кричать, в гости напрашиваться. Взмахнула Настёна волшебным платочком, и вмиг через реку мост перекинулся. Перебрался незнакомец на другой берег, взял девушку за руку, она в него тут же и влюбилась.

— Я, – говорит гость, – иноземец Кочубей – некрещёный лоб. Давай вместе жить!

А сам на красавицу глазами чёрными смотрит, словно насквозь прожигает, околдовывает. Сделалась девица покорной да податливой, словно воск, слова поперёк вымолвить не может.

— Я бы с радостью тебя приняла, – отвечает хозяйка тихонечко, – только брат мой не позволит в нашем доме иноверцу поселиться.

Только она эти слова прошептала, как вдали собачий лай раздался – то Никита с охоты возвращается. Взмахнула Настёна волшебным платочком, и тут же Кочубей в булавочку превратился. Заткнула она её под потолок и стала на стол накрывать. Забежал тут кобель охотничий в избу да как начал рычать, на стены бросаться. Носится по горнице, зубы скалит, воет, скулит, лает, словно сказать что-то хочет, да не может.

— Что это с псом моим приключилось? – удивился брат. – Будто незнакомца в доме чует.

— Не знаю, что в голову ему взбрело, – отвечает сестрица. – Угомони уже кобеля своего да ужинать садись.

На следующий день Никита снова на охоту ушёл, а Настёна волшебным платочком взмахнула, Кочубея в юношу обернула. Стал её злодей учить, как брата извести.

— Ты, – говорит, – притворись хворой да скажи, что только молоко волчицы-царицы с Волчьего острова сможет тебя излечить. Отправится братец твой в те края, серые разбойники сразу его и загрызут.

Так сестра-лиходейка и сделала. Как слышала она собачий лай, платочком волшебным взмахнула, Кочубея в булавочку превратила, под потолок её заткнула, а сама легла на лавку да стонать принялась. Только кобель в избу забежал, сразу выть да рычать начал, на стены бросаться. Утихомирил его охотник и спрашивает:

— Что с тобой, моя родненькая, случилось?

— Ой, заболела я, Никитушка, – стонет Настёна.

— Как же тебе, миленькая, помочь?

— Нужно на Волчий остров сходить да молока волчицы-царицы, что там живёт, добыть.

Наутро взял Никита туесок и отправился в дорогу дальнюю, а Настёна волшебным платочком взмахнула, Кочубея в юношу обернула. Стали они есть-пить, радоваться, что от брата избавились.

Охотник тем временем добрался до Волчьего острова и видит: волчонок в капкан попал. Освободил он беднягу да царице отнёс.

— Забирай, – говорит, – своего детёныша и не пускай его впредь одного по лесам бегать.

— Вот спасибо тебе, добрый человек! – обрадовалась мать-волчица. – Проси всё, что хочешь!

— Ничего мне не надобно, кроме молока твоего, чтобы хворую сестрицу вылечить.

— За этим дело не станет!

Взяла она у доброго молодца туесок, нацедила молока да в придачу гостю дорогому молодого волчишку подарила.

— Будет, – говорит, – тебе помощником на охоте.

Поблагодарил Никита волчицу-царицу и домой отправился. Как услышала Настёна вдали собачий лай, удивилась:

— Кочубей, ты же говорил, что братца моего волки загрызут! А он живой да здоровый возвращается. Что же нам делать?

Подумал злодей и отвечает:

— Ты, снова больной притворись да скажи, что только молоко медведицы-царицы с Медвежьего острова сможет тебя излечить. Отправится братец твой в те края, косолапые сразу его и загрызут.

Так сестра-лиходейка и сделала. Взмахнула она волшебным платочком, Кочубея в булабочку превратила, под потолок её заткнула, а сама легла на лавку, вздыхает да охает. Только кобель с волчишкой в избу забежали, сразу начали лаять да выть, на стены бросаться. Еле утихомирил их охотник, а потом Настёну волчьим молоком напоил. Сказала сестрица, будто ей полегчало, а вечером снова на лавку легла да застонала. Забеспокоился Никита:

— Что с тобой, моя родненькая, случилось?

— Ой, снова мне неможется, Никитушка, – стонет Настёна.

— Что же мне, миленькая, для тебя сделать?

— Нужно на Медвежий остров сходить да молока медведицы-царицы, что там живёт, добыть.

Наутро взял Никита туесок и отправился в дорогу дальнюю, а Настёна волшебным платочком взмахнула, Кочубея в юношу обернула. Стали они есть-пить, радоваться, что от брата избавились.

Охотник тем временем добрался до Медвежьего острова и видит: медвежонок в капкан попал. Освободил он беднягу да царице отнёс.

— Забирай, – говорит, – своего детёныша и не пускай его впредь одного по лесам бегать.

— Вот спасибо тебе, добрый человек! – обрадовалась мать-медведица. – Проси всё, что хочешь!

— Ничего мне не надобно, кроме молока твоего, чтобы больную сестрицу вылечить.

— За этим дело не станет!

Взяла она у доброго молодца туесок, нацедила молока да в придачу гостю дорогому молодого медведя подарила.

— Будет, – говорит, – тебе помощником на охоте.

Поблагодарил Никита медведицу-царицу да домой отправился. Как услышала Настёна вдали собачий лай, удивилась:

— Кочубей, ты же говорил, что братца моего медведи загрызут! А он живой да здоровый возвращается. Что же нам делать?

Подумал злодей и отвечает:

— Ты, опять больной притворись да скажи, что только молоко львицы-царицы с Львиного острова сможет тебя излечить. Отправится братец твой в те края, львы сразу его и загрызут.

И снова сестра-лиходейка иноверца послушалась. Взмахнула она волшебным платочком, Кочубея в булавочку превратила, под потолок её заткнула, а сама легла на лавку, вздыхать да охать принялась. Только кобель с волчишкой и медвежонком в избу забежали, сразу начали лаять, выть, рычать, на стены бросаться. Еле утихомирил их охотник, а потом Настёну медвежьим молоком напоил. Сказала сестрица, будто ей полегче стало, а вечером на лавку улеглась да застонала. Снова Никита забеспокоился:

— Что с тобой, моя родненькая, случилось?

— Ой, опять мне нездоровится, Никитушка, – стонет Настёна.

— Что же мне, миленькая, для тебя сделать?

— Нужно на Львиный остров сходить да молока львицы-царицы, что там живёт, добыть.

Наутро взял Никита туесок и отправился в дорогу дальнюю, а Настёна волшебным платочком взмахнула, Кочубея в юношу обернула. Стали они есть-пить, радоваться, что от брата избавились.

Охотник тем временем добрался до Львиного острова и видит: лвьёнок в капкан попал. Освободил он беднягу да царице отнёс.

— Забирай, – говорит, – своего детёныша и не пускай его впредь одного по лесам бегать.

— Вот спасибо тебе, добрый человек! – обрадовалась мать-львица. – Проси всё, что хочешь!

— Ничего мне не надобно, кроме молока твоего, чтобы сестрицу болезную вылечить.

— За этим дело не станет!

Взяла она у доброго молодца туесок, нацедила молока да в придачу гостю дорогому молодого льва подарила.

— Будет, – говорит, – тебе помощником на охоте.

Поблагодарил Никита львицу-царицу и домой отправился. Как услышала Настёна

вдали собачий лай, растерялась:

— Кочубей, ты же говорил, что братца моего львы загрызут! А он снова живой да здоровый возвращается. Что же нам делать?

Подумал злодей и отвечает:

— Придётся тебе опять больной притвориться да сказать, что только яйцо орлицы-царицы с Орлиного острова сможет тебя излечить. Отправится братец твой в те края, орлы сразу его и заклюют.

Не привыкла сестра-лиходейка иноверцу перечить, так и сделала. Взмахнула она волшебным платочком, Кочубея в булабочку превратила, под потолок её заткнула, а сама легла на лавку, вздыхает да охает. Только кобель с волчишкой, медвежонком да львом в избу забежали, сразу начали лаять, выть, рычать, скулить, на стены бросаться. Еле утихомирил их охотник, а потом Настёну львиным молоком напоил. Сказала сестрица, будто ей полегчало, а вечером снова на лавку легла да застонала. Опять Никита забеспокоился:

— Что с тобой, моя родненькая, случилось?

— Ой, снова мне неможется, Никитушка, – стонет Настёна.

— Что же мне, миленькая, для тебя сделать?

— Нужно на Орлиный остров сходить да яйцо орлицы-царицы, что там живёт, добыть.

Наутро отправился Никита в дорогу дальнюю, а Настёна волшебным платочком взмахнула, Кочубея в юношу обернула. Стали они есть-пить, радоваться, что от брата, наконец, избавились.

Охотник тем временем добрался до Орлиного острова и видит: орлёнок в силки попал. Освободил он беднягу да царице отнёс.

— Забирай, – говорит, – своего птенца, да не пускай его одного по лесам летать.

— Вот спасибо тебе, добрый человек! – обрадовалась мать-орлица. – Проси всё, что хочешь!

— Ничего мне не надобно, кроме яйца твоего, чтобы хворую сестрицу вылечить.

— За этим дело не станет!

Дала она доброму молодцу яйцо да в придачу гостю дорогому молодого орла подарила.

— Будет, – говорит, – тебе помощником на охоте.

Поблагодарил Никита орлицу-царицу и домой отправился. Только он вместе со всей своей сворой в избу вошёл, как звери снова начали лаять, выть, рычать, скулить, на стены бросаться. А орёл взмыл к самому потолку, вынул булабочку, в которую Настёна Кочубея превратила, полетел к морю да выбросил её в самую пучину. И как только

злодей утонул, чары колдовские рассеялись, сестрица словно ото сна очнулась. Бросилась она Никите на шею, рассказала, что по указу иноверца брата родного на смерть верную его посылала. Да, видно, Бог его берёт, не дал от клыков звериных да клювов орлиных погибнуть. Простил Никита Настёну, и зажили они с тех пор в мире да согласии.